

УСТАНОВКА НА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗУМА КАК ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОДНОМЕРНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Лунская Маргарита Олеговна,

студентка факультета философии и социальных наук,

Белорусский государственный университет

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии культуры,

Белорусский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу и раскрытию преемственности двух социально-критических установок: первая принадлежит И. Канту и проходит под лозунгом «Sapere aude!», во второй Г. Маркузе обращается к развитому индустриальному обществу и его продукту – одномерному человеку. В работе отражена амбивалентность эпохи Просвещения, которая возвышает человеческий разум и, одновременно с этим, создает предпосылки для иррационализации развитых индустриальных обществ. Г. Маркузе диагностирует «одномерность» современного человека, проявляющуюся в атрофии способности находить альтернативы и в его тотальном согласии с системой. Последняя преформирует у индивидов ложные потребности, которые позволяют поддерживать одномерность человека и его неспособность к самостоятельному мышлению. Отказ от иррационального постиндустриального общества должен сопровождаться пересмотром потребностей, а также освобождением от конформизма, что совпадает с требованием автономности мышления И. Канта.

Ключевые слова: Просвещение; И. Кант; социальная критика; Г. Маркузе; индустриальное общество; техника; преформирование; одномерное мышление.

THE ATTITUDE TO THE AUTONOMY OF THE REASON AS A COUNTERACTION TO THE ONE-DIMENSIONALITY OF MODERN MAN

Lunskaya Margarita Olegovna

student of the Faculty of Philosophy and Social Sciences

Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna

doctor of philosophy, head of the department of philosophy of culture,

Belarusian State University

Annotation. The article is devoted to the analysis and disclosure of the continuity of two social-critical attitudes: the first one belongs to I. Kant and goes under the slogan "Sapere aude!", in the second one H. Marcuse addresses to the developed industrial society and its product - one-dimensional man. The work reflects the ambivalence of the Age of Enlightenment, which elevates human reason and, at the same time, creates preconditions for the irrationalisation of developed industrial societies. H. Marcuse diagnoses the "one-dimensionality" of modern man, which manifests itself in the atrophy of the ability to find alternatives and in his total agreement with the system. The latter transforms individuals into false needs that allow them to maintain the one-dimensionality of man and his inability to think independently. The rejection of irrational post-industrial society should be accompanied by the revision of needs, as well as the liberation from conformism, which coincides with the requirement of autonomous thinking of I. Kant.

Keywords: enlightenment; I. Kant; social criticism; H. Marcuse; industrial society; technology; preformation; one-dimensional thinking.

Призыв И. Канта «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом!» [1] не только аккумулировал в себе парадигмальные установки века Просвещения, но и стал «зеркалом» всей эпохи. Период расцвета классической рациональности возвысил человеческий разум, но, одновременно, стал эпохой зарождающейся технологической рациональности, создавшей новые, еще более прочные оковы для разума. Данная эпоха не могла не оказать влияние на общество модерна и не вызвать обратный оклик с его стороны. Такой «шантаж Просвещения» [2] обусловил актуальность знаменательной для всей эпохи работы И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». В данной статье мы проследим преемственность между двумя критическими по отношению к своим эпохам трудами – И. Кант раскрывает проблему автономии мышления в ее просветительской версии, а работа Г. Маркузе отражает новую оптику рассмотрения данного вопроса в развитом индустриальном обществе.

Пользование собственным рассудком является целью каждого представителя человечества, поскольку именно мышление возвышает человека над всей природой и делает его основанием всякого познания в классической рациональности. Просвещение как глобальный проект было нацелено на установление счастья посредством учреждения всеобщей разумности, последняя же возможна путем установления индивидуальной рациональности среди отдельных субъектов, т.е. воспитания их способности самостоятельно мыслить. Однако в XX веке представители

Франкфуртской школы показали, что общества развитого модерна свели к крайностям просвещенческие установки, а затем «перевернули» их – доведенный до крайности рационализм превратился в чистую иррациональность [3, с. 296]. Наука и техника, которые являлись центральными ценностями Просвещения, трансформируются в инструменты порабощения человека, а всеобщее счастье из высокой цели превращается в симулякр. Результат оказался диаметрально противоположен ожиданиям: постиндустриальные общества показали, что просвещенческая «вспышка света» не открыла людям глаза на истину, но ослепила их. Философы-просветители выработывали идеальные конструкции, которые, по их мнению, должны были привести общество к наилучшему состоянию, но, когда эти конструкции начали накладываться на социальную реальность, они утратили свой статус идеалов и начали превращаться из идей, направленных на изменение общества, в рычаги, способные сохранить уже установленные общественные порядки. Таким образом, проблема, которая была сформулирована уже И. Кантом осталась не решенной и была перенесена в постиндустриальное общество.

Усилия системы в любом обществе направлены на установление господства над человеком, однако доступные средства для достижения этой цели сильно отличаются в зависимости от развитости ее техники. Индустриальное общество не имело возможности подчинить себе человеческое мышление, сферой господства государства над человеком оставалась область внешнего, а основным средством воздействия являлись физические наказания. Для современного Г. Маркузе общества проблема стоит несколько иная, ведь высокоразвитая техника и разветвленная система контроля над человеческим сознанием (СМИ, телевидение, реклама, а сегодня и интернет), не позволяют ему мыслить автономно. Такая обстановка атрофирует индивидуальное мышление человека, поэтому лень и трусость уже не могут быть главными причинами безмыслия – новое общество создало более глубокие и, одновременно, скрытые основания. Развитое индустриальное общество не оставляет человека наедине с самим собой, система всегда имеет доступ к его сознанию. В результате человек перестает замечать это «вторжение», ситуация аналогична попаданию в систему вируса, который делает ее невосприимчивой к себе.

Но главным новшеством общества развитого модерна, согласно Г. Маркузе, является становление одномерного человека. Главный атрибут последнего – это одномерное мышление, состоящее в неспособности находить противоречия в системе и ее манипуляциях. Одномерный человек

не способен мыслить негативно, он не видит альтернатив существующему укладу общества. В обществе нет тех сил, которые его отрицали бы, а те силы, которые кажутся отрицающими его, на самом деле глубоко вписаны в этот системный порядок и не способны на отказ. Если в эпоху раннего модерна множество «истинных потребностей» (т.е. таких потребностей, удовлетворение которых жизненно необходимо для человеческого существования) оставалось неудовлетворенным – питание, отдых и т.д., то в развитом индустриальном обществе в виду объективного улучшения условий жизни их удовлетворение становится легко осуществимым для каждого человека вне зависимости от классовой принадлежности. Человек более не обеспокоен приземленными вопросами выживания, а упразднение тяжелого труда, отнимавшего прежде у человека все силы, позволило ему задуматься о своем общественном положении.

В новом обществе были созданы предпосылки для автономного мышления индивидов, но все же «век Просвещения» не наступил. Всякая система не желает лишаться контроля над человеком, чем выше уровень ее господства над индивидами, тем более устойчивой она является. Поэтому развитое индустриальное общество произвело новый способ контроля, который действует антитетично по отношению к преобладающим ранее способам: наказание заменяется поощрением, человек отныне подконтролен системе не потому, что его потребности не удовлетворяются, но потому, что они удовлетворяются с избытком. Если ранее власть подавляла потребности людей, то теперь с целью господства она преформирует новые потребности. Любопытно, что просветители стремились свести к минимуму все животное в человеке, в то время как современные общества стремятся вновь вернуть человека к животному существованию. Государство лишь экстенсивными методами воздействует на человеческую жизнь, увеличивая количество доступных индивиду благ, но качество его жизни не улучшается – человек удовлетворяет ложные потребности и не становится от этого счастливее.

Преформация способна приостановить рациональное осмысление человеком собственного положения, но все человеческое в нем восстает против репрессивной системы. Всякая альтернатива, которая ему предоставляется, фиктивна: у человека будто бы есть выбор, но это «выбор» среди уже выбранного, среди тех вариантов, которые допускаются системой и удобны ей. Выбор же действительной альтернативы, которая находится в оппозиции с удобными обществу ценностями не допускается – трансцендирование за эти границы невозможно. Однако иллюзорная

рациональность общества вынуждает человека искать проблему не в системе, а в себе самом. Болезнь системы тщательно замаскирована, и индивид задается вопросом: как может общество, которое предоставляет столько благ, быть иррациональным?

Человеку эпохи постиндустриального общества не обязательно обладать подлинной свободой, задача системы состоит в том, чтобы заставить человека думать, будто он свободен. Иллюзия свободы позволяет контролировать индивидов и пресекать всякие попытки изменить систему. Именно этим обусловлена позиция Г. Маркузе по поводу пролетариата, которая расходится с аутентичным марксизмом. Рабочий класс в развитом индустриальном обществе уже не может выступать революционной силой – антагонизм между буржуазией и пролетариатом стирается, пропасть в уровне жизни этих двух классов устранена, поскольку они имеют общие ценности и потребности. В развитом индустриальном обществе действительно больше нет тяжелого изнуряющего труда, ведь этот труд перекочевал в более отсталые общества, потребности человека действительно удовлетворены, только предварительно они были преформированы и являются ложными.

Таким образом, можно выделить двойственную направленность исследуемой нами работы Г. Маркузе: во-первых, она призвана показать человеку все ужасы развитого индустриального общества, его иррациональность, тотальный контроль, осуществляемый через все сферы общественной жизни и т.д.; во-вторых, его работа является призывом к действию, призывом к изменению такого положения, поэтому Г. Маркузе предлагает несколько практических вариантов противостояния одномерному обществу. Если «ложные потребности» позволяют системе манипулировать человеком, необходимо провести их переоценку, поскольку потребности в иррациональном и рациональном обществе будут принципиально отличны друг от друга [3, с. 316]. Соответственно, человек должен уметь различать истинные и ложные потребности, выбирая именно те, удовлетворение которых позволит сделать его жизнь счастливой. Еще один пункт борьбы с одномерностью – это отказ человека от конформизма, рассмотрение навязываемого обществом уже не как а priori адекватного и рационального, но способность испытывать отторжение к ценностям этого общества. Соответственно, поведение, которое считается девиантным в иррациональном обществе, Г. Маркузе считает подлинной нормой, способной привести к созданию рационального общества.

Перечисленные способы борьбы с одномерностью можно объединить и подвести под более общую и уже знакомую нам формулу: «*Sapere aude!*». Г. Маркузе предоставляет такое же решение проблемы автономного пользования разумом для обществ развитого модерна, которое И. Кант вывел в своей работе применительно к современной ему эпохе Просвещения. Здесь можно задаться вопросом, правомерно ли приложение единого концепта к «лечению» двух совершенно разных обществ – общества, незнающего такого уровня развития техники, использующего другие способы контроля и «нового» общества, которое принципиально иначе подходит к подавлению индивида и обладает иным набором ценностей. Однако мы видим, что ни в эпоху И. Канта, ни в эпоху Г. Маркузе не удалось создать общество, которое состояло бы из автономно мыслящих индивидов, и это вовсе не имплицитно ложность их суждений, но является подтверждением известных слов И. Канта: «Велика та пропасть, которая необходимо должна остаться между идеей и ее осуществлением» [4, с. 352].

Список литературы:

1. Кант, И. Что такое Просвещение? / И. Кант // Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1964. – Т. 6. – С. 25–36.
2. Фуко, М. Что такое Просвещение? / М. Фуко // Вестник Московского университета. Серия «Филология». – 1999. – № 2 – С. 132–149.
3. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. Юдина. – М.: REFL-book, 1994. – 344 с.
4. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.